

РАСШИРЕНИЕ ПРАВ ЖИВОТНЫХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ «РЕГРЕССИИ КАСТ» Ю. ЭВОЛЫ

Дорожкин Дмитрий Андреевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет права

dadorozhkin@edu.hse.ru

8-966-373-66-00

Аннотация: В статье рассматривается концепция "регрессии каст" Ю. Эволы. В основе постепенной демократизации общества лежит наделение правосубъектностью все больших категорий людей. Автор статьи приходит к тому, что правосубъектность является фундаментальной категорией для дальнейшего получения субъективных прав любым живым существом. Для расширения прав животных необходимо, в первую очередь, наделить их правосубъектностью.

Ключевые слова: касты, права животных, правосубъектность, субъект права, объект права, недееспособные лица, рабы.

Annotation: The article discusses the conception of "castes' regression" of Evola J. The reason for democratisation of society is giving the status of legal personhood to more categories of people. The author thinks that «legal personhood» is a fundamental category for further obtaining of personal rights for an each living being. For enlargement the rights of animals it is necessary, first of all, to give them the status of legal personhood.

Key words: castes, the rights of animals, legal personhood, thinkhood, animal law, disable persons, slaves

Введение

На протяжении всего периода исторического развития право включало в сферу своего действия, то есть предоставляла весь спектр имеющихся субъективных прав и возможностей их защиты, не всем членам общества. Правовые нормы закрепляли положение имеющих власть «каст», остальные оставались за рамками действия, были объектами права. Наиболее яркое проявление данного тезиса – отношения рабства. Однако данная ситуация менялась с течением времени, и все большие категории людей наделялись правосубъектностью. Течение данного процесса рассматривает Ю. Эвола в рамках своей концепции «регрессии каст»¹.

Мы считаем, что в рамках данной концепции можно говорить о расширении прав не только различных категорий общества, но и других живых существ, в частности, животных. Для возникновения у животных абстрактной возможности иметь ряд субъективных прав, необходимо наделить их правосубъектностью, внести их в категорию «легальное лицо» («legal personhood»²). Разбору данной конструкции, а также анализу перспективности такого подхода относительно тенденции борьбы за права животных будет посвящена значительная часть данной статьи.

Представляется необходимым ограничить сферу нашего обозрения и сказать, что биологические теории не будут затронуты в данной работе. Споры о различиях людей и животных в ментальных и психологических способностях будут оставлены за рамками работы. К тому же существуют исследования о значительной схожести ряда животных в проявлении эмоциональных и когнитивных процессов с людьми³. Целью работы видится поиск правовой модели, наиболее подходящей для реализации в будущем формального равенства между двумя названными представителями живой природы.

¹ Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016.

² Wise S.M. Legal Personhood and the Nonhuman Rights Project // *Animal Law*, 2010, V. 17.

³ Hilden J.A. Contractarian view of animal rights: insuring against the possibility of being a non-human animal // *Animal Law*, 2007, V. 14. P. 9-10.

Регрессия каст

Итальянский философ Ю. Эвола в своей работе «Восстание против современного мира» вводит концепцию «регрессии каст». В рамках данной идеи автор рассматривает процесс исторического развития, а точнее демократизацию общества, расширение прав все больших категорий людей через призму стирающихся границ внутри традиционно установленного кастового деления.

Закон регрессии каст объясняет исторический процесс через постепенный переход власти от одной касты к другой. С закатом эпохи священных правителей (брахманов) к власти приходят военные правители (кшатрии). С чередой буржуазных революций власть смещается еще на ступень ниже – к торговцам, современной буржуазии (вайшхам). И последним надломом границ внутри общества является пролетарская революция, которая знаменует переход власти к рабочей массе – касте слуг (шудрам).

Категория власти в каждом из данных этапов помогает увидеть процесс демократизации общества, расширение круга субъектов, попадающих в границы действия права. Сначала божественная способность только монарха «творить» нормы подвергается сомнению воинским сословием. Правосубъектность человека начинает определяться кровной принадлежностью, и на этой стадии преобладают рабовладельческие и феодальные отношения. Дальнейшее увеличение числа субъектов права влечет третья волна «демократизации», в обществе поднимается вопрос наличия естественных прав человека. Однако закрепляются эти права, в частности, право на жизнь, составляющее основу категории «правосубъектность» только после четвертого «упадка» общества.

За рамками работы Ю. Эволы остается дальнейшее распространение субъективных прав в обществе на касту «неприкасаемых», куда, в соответствии с «дхармической» традицией, относили людей, осознанно выступающих против своей «природы» и, в итоге, оказавшихся выставленными за пределы сообщества. В данном контексте мы считаем

уместным привести борьбу за права и дальнейшее «увеличение» правосубъектности представителей ЛГБТ сообщества, лиц, страдающих психическими расстройствами, и беженцев. Приведенная аналогия показывает, что концепция «регрессии каст» актуальна и в настоящее время, а также применима к вопросу включения новых живых существ в круг субъектов права.

Как замечает сам итальянский философ: «Современную чувствительность в кастовой системе больше всего оскорбляет ее наследственный и закрытый характер»⁴. Иными словами, включенность индивида в систему права на каждом из названных этапов «демократизации» общества определялась его рождением и пребыванием в определенной группе, касте.

Если человек рождался за рамками распространения права, не обладал правосубъектностью, его попытки обрести отдельные субъективные права и даже возможное их получения не приносили результата, потому что такой индивид не был включен в действующую систему правовых институтов, не имел всего объема возможностей для реализации и защиты своего субъективного права. В силу закрытости кастовой системы индивид не мог изменить свое положение. Получается замкнутый круг: отсутствие правосубъектности не позволяют иметь субъективные права, а полученные отдельные субъективные права не дают правосубъектности. Таким образом, возможным способом преодоления этой установки является первоначальное провозглашение правосубъектности отдельного лица или целых категорий граждан, как это было на каждой стадии «демократизации», описанной в работе Ю. Эволы.

Лица и объекты права: где граница?

⁴ Эвола Ю. Кастовая доктрина // Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016.

Для определения отношения животных к системе права посмотрим на соотношение таких ключевых понятий любого правопорядка как «субъекты»⁵ («personhood») и «объекты» («thinghood»). При переводе на русский язык мы используем именно понятие «объекты», так как слово «вещи» значительно сужает круг охватываемых феноменов в соответствии с устоявшейся в РФ практикой толкования данного понятия. И, действительно, как верно замечает В. Курки «объекты» («thing») в современном мире предстают в трех основных значениях: 1) все, что не охватывается понятием «лица»; 2) то, относительно чего возникают права и обязанности; 3) любая субстанция, которую можно иметь в собственности, как минимум, вещи⁶.

В современном правопорядке животные являются объектами, однако в ряде стран за ними признаются права: сюда мы может отнести Португалию, Швейцарию, Германию и даже сказать о недавно вступившем в силу законе⁷ на территории РФ. Названный акт формально закрепляет за животными право на: надлежащий уход, своевременное оказания ветеринарной помощи и нормальное обращение. Таким образом, животные являются объектами, имеющими права. Данная конструкция не является новой: сходный правовой статус имели рабы, об этом будет сказано в следующей части работы.

Однако ни конструкция «объекты, наделенные правами», ни конструкция «легальное не лицо»⁸, предлагаемая В. Курки, не способны в полной мере задействовать существующие механизмы реализации и защиты субъективных прав, так как отсутствие правосубъектности у животных обуславливает их не включенность в социальные институты, созданные обществом. Замкнутость и отсутствие возможности преодолеть это ограничение оставляет животных как «касту» постоянными объектами права,

⁵ Дословным переводом здесь является понятие «лица», отсылающее нас к отдельному разделу Институций Гая. Однако мы используем устоявшееся словосочетание «субъекты и объекты» для прочтения текста более привычным читателю образом.

⁶ Kurki V. Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington, 2017, V. 18, № 5. P. 1081.

⁷ Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 27.12.2019) "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

⁸ Kurki V. Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington, 2017, V. 18, № 5. P. 1084.

как это исторически было свойственно отдельным категориям общества в концепции «регрессии каст».

Животные и рабы: историческая аналогия

Аналогия между животными и рабами представляется уместной, так как рабы также являлись объектами права. К тому же, модель рабовладельческих отношений ранее рассматривалась нами как историческая стадия «регрессии каст». Об отношении раба к системе права: раб был вещью. Относительно него возникало право собственности, распадающееся на три правомочия. В первую очередь, рабом владели, затем им пользовались: владельцам предоставлялось право любого воздействия на раба для достижения с помощью него максимальной выгоды. И, наконец, рабом распоряжались: в рамках данной категории владелец мог нанести рабу любого рода увечья, продать его, а также отнять у него главенствующее в настоящий период естественное право – жизнь.

Однако в отдельных случаях за рабами признавались права, в частности, в штате Южная Каролина запрещалось самовольное убийство раба. Наличие такого рода субъективных прав, тем не менее, не позволяет говорить о неприкосновенности жизни раба, а также о его включенности в систему права. Данный пример иллюстрирует первоначальную роль провозглашения правосубъектности для дальнейшего включения индивида в сферу действия права. Э. Досс подтверждает допустимость использования аналогии между рабами и животными: «В наше время трудно представить рациональных людей, которые отделяют правосубъектность от человека, и в будущем подобная мысль будет правдива и для животных»⁹. Кандидат юридических наук заявляет о перспективности обращения к исторической практике для поиска решения новых проблем.

Животные и недееспособные лица: возможность аналогии права

⁹ Doss A.M. The profit and loss report on animal rights: how profit maximization has driven the stagnation of the legal identification of animals as property // University of Massachusetts law review. North Dartmouth, 2018, V. 13, № 1. P. 156.

Провозглашение правосубъектности животных возможно также рассмотреть в аналогии с существующими механизмами реализации правосубъектности недееспособных лиц: малолетних детей и лиц, страдающих психическими расстройствами.

Люди с когнитивными расстройствами длительный период исторического процесса подвергались притеснениям со стороны правосубъектных лиц: начиная от целенаправленного убийства таких лиц¹⁰ в Древнем Риме и Древней Греции и заканчивая законодательством об их стерилизации¹¹, принятым рядом штатов США в начале XX века. В последнем случае общество руководствовалось интересами «общего блага», то есть интересами лиц, включенных в сферу действия права.

Ситуация изменилась с принятием Всемирной Декларации Прав Человека, которая закрепила врожденное достоинство и равенство прав всех представителей человеческого рода. Теперь субъективные права базировались на категории «врожденного человеческого достоинства», а не определялись индивидуальными характеристиками каждого человека. С этого момента стали широко распространяться движения за улучшение условий для людей с когнитивными расстройствами. За такими людьми судами признавались фундаментальные права свободы, владения собственностью, защиты своих прав в суде и «поиска счастья»¹².

Несмотря на фактические отличия в ментальных способностях от среднестатистического человека, лицам с когнитивным расстройством предоставлялись равные права. В этом примере проявляется такой принцип права, как формальное равенство, то есть предоставление всем субъектам абстрактных равных возможностей. Ключевым моментом все так же остается

¹⁰ Harbour C.K., Maulik P.K. History of intellectual disability // Center for International Rehabilitation Research Information and Exchange {Электронный ресурс}. Режим доступа: http://cirrie.buffalo.edu/encyclopedia/en/pdf/history_of_intellectual_disability.pdf (дата обращения 21.03.2020).

¹¹ Там же.

¹² *Cupp R.* Cognitively impaired humans, intelligent animals and legal personhood // Florida law review. Gainesville, 2017, V. 69, № 2. P. 495.

факт признания за лицом правосубъектности, включения его в сферу действия названного принципа.

Общество может применить механизмы реализации субъективных прав недееспособных лиц к животным с помощью аналогии права. Иными словами, люди признают животных субъектами права, наделяют их правоспособностью – абстрактной возможностью иметь права и обязанности, а дееспособность живые существа реализуют через представителей. Такие процедуры лежат в основе реализации интересов детей и иных недееспособных: осуществлять субъективные права им помогают родители или опекуны, по деликтам за них отвечают представители. В соответствии со статьей 45 ГПК РФ в суд с целью защиты интересов недееспособных также управомочен обращаться прокурор.

В рамках данной части работы мы увидели, что лица с когнитивными расстройствами не всегда включались в сферу действия права. До определенного момента вопрос их жизни была подобен распоряжению вещью. Представленный выше анализ также показал, что действующее законодательство предоставляет возможность применения существующих для недееспособных лиц процедур по аналогии ввиду схожести заявленных правоотношений.

В таком контексте аргументы Р. Каппа о том, что признание правосубъектности за животными повлечет ухудшение правового положения недееспособных лиц и о том, признание правосубъектности сильно зависит от включенности живого существа в социальную структуру¹³, мы назовем неубедительными. Относительно первого заявления можно сказать, что внедрение аналогии права должно происходить постепенно и аккуратно, чтобы не разрушить уже сформированные институты. К тому же, на данном этапе не представляется возможным спрогнозировать практику применения норм по аналогии, а также взаимовлияние двух общественных сфер, где эти нормы будут применяться. Второе заявление опровергается идеей,

¹³ *Cupp R. Cognitively impaired humans, intelligent animals and legal personhood // Florida law review. Gainesville, 2017, V. 69, № 2. PP. 500, 503.*

пронизывающей наше изложение в течение всей статьи – только признание правосубъектности за живым существом способно встроить его в систему общественных отношений, включить его в сферу действия существующих правовых институтов. Данное положение было выведено нами еще на стадии анализа концепции «регрессии каст».

«Правосубъектность» как фундаментальная категория пирамиды прав животных

В данном фрагменте работы мы посмотрим, как из категории «правосубъектность» последовательно вытекают все субъективные права, в частности, право защищать свои интересы в суде. В данном аспекте интересной иллюстрацией является пирамида прав животных («animal rights pyramid»), разработанная Стивеном М. Вайзом¹⁴. Модель состоит из четырех элементов, вытекающих один из другого: «легальная персона» (правосубъектность) – принадлежащие ей субъективные права – субъективное право действовать – процессуальная правоспособность (standing).

Правосубъектность – возможность владеть хотя бы одним субъективным правом, находится в самом основании пирамиды, чтобы показать фундаментальное значение этой категории. Из правосубъектности вытекают все принадлежащие субъекту права, которых может быть бесконечное множество. В числе этого множества прав находится право подачи иска, то есть право действовать. При этом третья ступень пирамиды может принадлежать как самому лицу, чье право нарушено, так и любому третьему лицу, если это право возложено на него законом или договором. Последней ступенью пирамиды является процессуальная правоспособность, которая подразумевает доказательство связи между истцом и нарушенным правом, а также наличия у истца возможности заявлять о нарушении права. Касательно последних двух ступеней Стивен М. Вайз заявляет, что «никто не имеет субъективного права действовать оспаривать нарушение Animal Welfare Act»¹⁵, это объясняется отсутствием правосубъектности у животных.

¹⁴ Wise S.M. Legal Personhood and the Nonhuman Rights Project // Animal Law, 2010, V. 17. P. 2.

¹⁵ Wise S.M. Legal Personhood and the Nonhuman Rights Project // Animal Law, 2010, V. 17. P. 3.

Перспективным направлением расширения прав животных представляется работа Стивена М. Вайза и его единомышленников над «Актом прав не-человека» («Nonhuman rights act»), так как при рассмотрении судом вопроса о гражданской правоспособности часто высказывается мнение об отсутствии самого права, следовательно, и невозможности его защиты¹⁶. С принятием такого акта появится нормативная база для заявления о существовании нарушенного права.

Иным перспективным способом является попытки добиться признания правосубъектности за индивидуальным животным в суде для последующей защиты его прав и представления его интересов. В данном контексте интересно затронуть мысль М. Курки, который относит юридическое лицо к субъектам права и объектам права одновременно¹⁷. С одной стороны, юридическое лицо, действительно, является субъектом и обладает правоспособностью с момента регистрации. С другой стороны, компанией владеют физические лица, следовательно, она является объектом. Хотя этот аспект легко оспорить положением, что физические лица все же владеют акциями компании как имуществом. Так или иначе, по аналогии с процедурой регистрации юридического лица, животные, за которыми признана правосубъектность, могут вноситься в отдельный государственный реестр. Данная идея включает в себе удобство при контроле постепенного процесса расширения прав животных и адаптирования общества к изменениям в круге субъектов права.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи нами была рассмотрена концепция «регрессии каст», предложенная итальянским философом Ю. Эволой. Каждая стадия «упадка» общества, его все большей демократизации имела своей причиной наделение правосубъектностью все больших категорий

¹⁶ Case: Cetacean Community v. Bush, the Ninth Circuit Court of Appeals.

¹⁷ Kurki V. Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington, 2017, V. 18, № 5. P. 1086.

людей. Мы пришли к выводу, что правосубъектность является первоначальной, фундаментальной категорией, которая необходима живому существу для возможности полной реализации полученных субъективных прав и последующего расширения круга этих прав. В статье были также описаны перспективы применения процедур реализации субъективных прав недееспособных лиц по аналогии к животным совместно с признанием за ними правосубъектности.

Список источников

1. *Supp R.* Cognitively impaired humans, intelligent animals and legal personhood // Florida law review. Gainesville, 2017, V. 69, №2.
2. *Doss A.M.* The profit and loss report on animal rights: how profit maximization has driven the stagnation of the legal identification of animals as property // University of Massachusetts law review. North Dartmouth, 2018, V. 13, № 1.
3. Harbour C.K., Maulik P.K. History of intellectual disability // Center for International Rehabilitation Research Information and Exchange {Электронный ресурс}. Режим доступа: http://cirrie.buffalo.edu/encyclopedia/en/pdf/history_of_intellectual_disability.pdf (дата обращения 21.03.2020).
4. *Hilden J.A.* Contractarian view of animal rights: insuring against the possibility of being a non-human animal // Animal Law, 2007, V. 14.
5. *Kurki V.* Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington, 2017, V. 18, № 5.
6. *Wise S.M.* Legal Personhood and the Nonhuman Rights Project // Animal Law, 2010, V. 17.
7. *Эвола Ю.* Кастовая доктрина // Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016.

8. Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 27.12.2019) "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".